

Герман
Садулаев

ЗЕМЛЯ ВОЗДУХ НЕБО

Трудно воевать на земле,
когда небо твой враг.

Русский Декамерон. Премияльный роман

Герман Садулаев
Земля-воздух-небо

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Садулаев Г. У.

Земля-воздух-небо / Г. У. Садулаев — «Эксмо»,
2021 — (Русский Декамерон. Премияльный роман)

ISBN 978-5-04-119444-4

Человек беззащитен при атаке с неба, будь то божья кара или бомба. Тело человека – хрупкое и подлежит легкому, стремительному, болезненному разрушению. Но вот души, это тело населяющие, иногда выживают. Быть может, одна из них, преодолев земное тяготение, прорвется на небеса сквозь воздух и узнает, зачем это всё было нужно. Роман «Земля-воздух-небо» – это рассказ о судьбе Эрнста Юнгера наших дней, воина, писателя и философа, такого, каким он может и, вероятно, должен быть сегодня. Вместе с ним, прямым, грубоватым, предельно откровенным, читатель увидит первую чеченскую кампанию, Луганск после 2014 года, Кавказ времен Великой Отечественной, сможет повоевать в Сирии под началом «Гитлера» и решить для себя лично, как умирать, как жить и на что надеяться, если война для Homo sapiens столь же неизбежна, сколь и желанна.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119444-4

© Садулаев Г. У., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	6
2	10
3	15
4	19
5	21
6	25
7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Герман Садулаев

Земля-воздух-небо

© Садулаев Г., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Непохожее сливается воедино, и из различий проистекает самая прекрасная гармония, и всё сущее существует посредством борьбы.

Гераклит

Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть частицы вечности, слишком великой для глаза людского.

Блейк

Когда занимается заря, заставляющая живого встать прямо, какого мёртвого она разбудит?

Ригведа

Disclaimer:

Данная книга является художественным произведением. Данная книга не является надёжным источником достоверных биографических, военно-исторических, топографических, технических, антропологических, орнитологических и иных сведений. Все события и персонажи книги вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями и персонажами случайны и непреднамеренны. Исключение составляют цитаты с выделением цитируемого текста и точным указанием известного источника. Пересказ малоизвестного, неизвестного или неопределённого источника не является цитатой и может быть художественным вымыслом, как и наличие источника. Реальные исторические события и личности прошлого и настоящего могли послужить только отдалёнными прототипами для создания художественных образов повествования. Теории и гипотезы, излагаемые в книге, не являются научными, это художественные высказывания, раскрывающие идею произведения. Мнения, выражаемые лирическим героем и персонажами книги, не разделяются автором, это художественные высказывания, обусловленные движением сюжета. Автор приносит свои извинения, если слова лирического героя и персонажей книги задевают чьи-то национальные, религиозные и нравственные чувства, и напоминает, что это художественные высказывания вымышленных персонажей, приведённые в книге для раскрытия их характеров. Лирический герой, от имени которого ведётся повествование, является вымышленным персонажем. Автор приносит извинения за использование лирическим героем и персонажами книги ненормативной лексики, а также за описания сцен секса и насилия. Согласно существующим правилам книга будет маркирована соответствующим образом.

1

– Почему ты целуешься с открытыми глазами?

Мы сидели на лавке, обитой зелёной искусственной кожей, в «ирландском пабе» на Большой Конюшенной улице. Прошла тысяча лет, и названия паба я не помню. Да и какая разница? Этих пабов на манер «ирландских» или «шотландских» в Петербурге стало так много, что имена потеряли смысл. А я ещё помню время, когда их было всего два или три на весь город, один назывался Foggy Dew и открылся на улице Восстания прямо напротив Митавского переулка, где я жил в комнате, набитой образцами табачного сырья из штата Андхра-Прадеш, Индия. Впрочем, это преувеличение. Образцы табака переехали в соседнюю комнату; в моём жилье от них оставался только стойкий запах. Иногда к терпкому аромату табака примешивался запах марихуаны: это когда я с друзьями и подругами курил марихуану. Так было в ночь, когда со мной остались две восемнадцатилетние студентки факультета иностранных языков; рано утром, поймав такси и поцеловав девушек на дорогу, я подумал, что хорошо было бы прямо сейчас умереть. Потому что большего физического счастья человеку всё равно не дано испытать. Когда тебе тридцать лет, когда ты выпил не слишком много, всего две или три бутылки полусухого вина, выкурил несколько самокруток из натуральной травы (тогда в Петербурге ещё можно было достать настоящую анашу, выросшую под солнцем космического Семи-палатинска, а не на гидропонике унылого Амстердама), когда всю ночь ты вытворял чудеса с двумя голыми безупречно сложенными юными телами (с тремя, если считать своё – третьим), которые отдались тебе по любви (вино и марихуана – та же любовь, в жидком и дымообразном виде), когда ранним утром ты выходишь в притихшее лето города, и уже тепло, но ещё свежо от ночной прохлады, и асфальт не устал, и пыль прибита машинами, разливающими по обочинам воду, как в советских фильмах из безмятежного детства, и девушки прощаются с тобой, и губы их шепчут: ты – бог! (хотя немного другими словами и матом), что потом, живи ты хоть сотню лет и завоюй хоть полмира, сможет сравниться с этой минутой чистейшего посткоитального самадхи, с этой нирваной все-исполненности и удовлетворённости? Можно было и умереть, и смерть не была бы тягостной. Просто шаманский трюк, прыжок из экстаза в свет. Почему мы не можем себе этого позволить? Кому и что мы должны? Никому мы и ничего не должны. Секс – это смерть, и смерть тоже как секс. Только секс всегда проходит и никогда не остаётся, а смерть – это секс, который приходит один раз и остаётся с тобой навсегда. Ничего страшного не случилось бы, если бы в то утро я умер от счастья. Я думаю про семидесятилетних старцев, оставляющих последнее дыхание в губах двадцатилетних красавиц, пусть и купленных ими за деньги. Трупы стариков тайно перевозят домой, придают их кончине благообразный вид и сообщают, что патриарх почтенного семейства, мэр и меценат, скончался на руках у своей безутешной супруги в окружении рыдающих сыновей. Хотя почему и зачем? Разве смерть от разорванного оргазмом сердца хуже, чем от врачебной ошибки, от оторвавшегося тромба, обширного инсульта или внутреннего кровотечения? Разве лучше умереть в больнице под капельницей, или за рабочим столом в кабинете, или в лифте, или на площадке перед собственной дверью? Мужчина, умерший во время любви, достоин такого же почёта, как воин, павший в кровавом бою! Для воинов секса в загробном мире будет своя Вальхалла: в ней они будут каждую ночь покрывать сотни прекрасных самок и к утру умирать на пике блаженства; а вечером Фрей и Фрейя воскресят их для новой любовной битвы. Если мне суждено дотянуть до преклонного возраста, я хочу умереть в борделе. Или в монастыре. Но если повезёт, то в борделе.

Тогда я не умер. Возможно потому, что понимал: физическое счастье, даже такое глубокое, всё равно что лужица в следе от телячьего копытца, по сравнению с безграничным блаженством. И, купаясь в лужице удовольствий молодого, здорового и грамотно подкреплён-

ного алкоголем и наркотиками организма, встречая лучи восходящего солнца, я шурил глаза и видел свою радость как каплю в океане, который тоже станет мне доступен в свой срок; может быть, через десять или через десять миллионов жизней. Счастье обязательно будет нашим. Оно всегда было нашим, поэтому мы достигнем счастья, достигнем блаженства с той же неизбежностью, с какой каждый день клонится к вечеру, а каждая жизнь встречает смерть. Счастье неизбежно. Мы не сможем найти такой путь, на котором было бы возможно уклониться от неминуемого блаженства. Поэтому выпиливаться из реальности не обязательно. Но если вышел, то и это хорошо. Куда бы ты ни шёл, в конце пути тебя ждёт одно и то же вечное и бесконечное наслаждение.

Иногда к запаху табака примешивался дым сигар Погарской сигаретно-сигарной фабрики, как было в ту ночь, когда мы переспали с Синтией. Продуманное решение, у Синтии всё было всегда продумано. Ещё, помню, было два случая. Или двадцать. Табачная комната работала как конвейер счастья. Заходили вечером девушки, всегда юные, немного печальные и неуверенные в себе, а утром из железной двери Митавского переулка вылетали, не касаясь земли, сияющие богини. Что касается Foggy Dew, в одном из своих романов я рассказал о том, как пил в нём с девушкой, которая после паба отправилась ко мне на ночёвку. Ничего подобного. Ни в каких пабах, ирландских или шотландских, никаких свиданий у меня никогда не было. Просто мне раньше нравились эти заведения, нравилось «крафтовое» пиво, когда оно ещё было редкостью, нравился даже идущий фоном на большом телевизоре постоянный футбол; либо правильная музыка, какую не услышишь на радиостанциях FM-диапазона, и дерево, и кожа зелёных свиней на скамьях. Мне уже давно всё равно. В тот паб я зашёл просто для того, чтобы опростать свой стареющий и слабый мочевого пузырь, и взял заодно кофе; а она зашла с мороза. Раскрасневшаяся.

– Почему ты целуешься с открытыми глазами? – так она спросила, чуть отстранив своё лицо от моего, чтобы увидеть моё лицо своими синими открытыми глазами всё, целиком. Может, она спросила чуть-чуть не так. Может, она сказала: «Почему ты не закрываешь глаза, когда целуешься?» Или: «Почему, когда ты целуешься, у тебя открыты глаза?» Я не помню. Говорю же, прошла тысяча лет. Но дело было в глазах: в моих открытых, с блуждающими зрачками, и в её доверчиво запахнутых трёхцветными (после макияжа), как флаг Франции, веками и гардинами удлинённых ресниц.

– Мужики всегда целуются с открытыми глазами, – так я сказал. Хотя нет. Я сказал не так. Я сказал: «все мужики целуются с открытыми глазами», а она покачала головой и сказала: «нет», и я подумал о том, что у неё было много мужчин, которые целовали её, и с открытыми, и с закрытыми глазами, и мне стало больно. Лучше бы я сказал: мужики всегда целуются с открытыми глазами, а она спросила бы: почему, и я, улыбаясь, объяснил бы: мужчине надо контролировать территорию, следить за развитием событий; вдруг, пока мы целуемся, кто-то захочет на нас напасть? Кто? – спросила бы она. А я бы ответил: не знаю. Например, саблезубый тигр. Или вон тот подозрительный тип с газетой. Она рассмеялась бы. И было бы хорошо. А ещё я испытал дежавю. Потому что уже слышал этот вопрос, или читал про него, и это вообще какой-то устойчивый образ в романтической литературе, но я опять ошибся, отвечая. Если вас спрашивают: «почему ты целуешься с открытыми глазами?», никогда не отвечайте «все мужики целуются с открытыми глазами», потому что девушка скажет или подумает: «нет, не все, я знала и таких, которые целуются, закрывая глаза», – и вам будет больно; лучше отвечайте «мужики всегда целуются с открытыми глазами», это будет звучать так, что *настоящие* мужики не закрывают глаза, целуясь; а те, кто у вашей девушки были раньше, они и не были настоящими мужчинами, всё это не важно и несерьёзно, и мы вычёркиваем этих придурков из нашего настоящего и нашего будущего.

И в этот день, кстати, я тоже мог бы умереть, и это было бы прекрасно. Смерть – это всегда здорово. Особенно добровольная, осознанная, свободная. Свободная любовь и свободная

смерть – вот то, к чему мы всегда стремимся. Несвободная, вынужденная смерть – это как секс в браке для зачатия детей. Нечто нужное, полезное, даже необходимое. Но никакого кайфа. Я хотел поговорить об этом, и я спросил:

– Ты читала Сэлинджера, «Хорошо ловится рыбка-бананка»?

Она сказала: кажется, нет. Я читала Ремарка.

Это ужасный ответ. Я думаю, это ужасный ответ. Почему люди так отвечают? Вы спрашиваете: нравится ли вам плавать в океане с дельфинами? А вам говорят: нет, но в прошлую субботу я приготовила салат с тунцом. И вроде бы это про одно и то же. Но что-то всё же не то. И потом, Ремарк. Почему все читают Ремарка? У меня была когда-то девушка, её звали, чёрт побери, уже и не вспомнить, Рита, она любила Ремарка. Боюсь, она не так много читала, чтобы хоть что-то понимать в литературе, но Ремарка, да, его она прочитала, и ещё, кажется, Фолкнера. Но у меня никогда не было девушки, которая читала Сэлинджера. Моя жена прослушала несколько часов лекций про Сэлинджера, начитанных на видеокамеру модным профессором, но самого Сэлинджера, кажется, так и не прочла. Никто ничего не читает. А если кто-то что-то читает, то только Ремарка или Фолкнера. Лучше бы вообще ничего не читали.

Я рассказал: в отеле молодая супружеская пара. Молодая жена разговаривает по телефону со своей мамой. Они обсуждают платья, врачей и то, что её муж, вероятно, душевнобольной. Молодой муж на пляже разговаривает и купается с маленькой девочкой. Он рассказывает ей про «рыбку-бананку», которая в подводной пещере объедается бананами и умирает от банановой лихорадки. Потом возвращается в номер. Смотрит на спящую жену. Достает револьвер и пускает себе пулю в висок.

Она сказала: вспомнила. Я это читала. Кто-то запостил «ВКонтакте» на своей страничке, и я прочла. Я не знала, что это Сэлинджер. Я думала, это просто что-то такое. Из интернета.

Я посмотрел на неё с уважением. Может быть она читала не только Сэлинджера, но и Монтеня, и Платона, и Лао-цзы, и Шукшина, и Терехова, и Джойса, и Гомера, и Калидасу, просто не знала, чьё это всё, думала, что это из интернета, и какая разница, в сущности, ведь так оно и есть.

Есть различные версии интерпретации «рыбки» Сэлинджера. Одни говорят, что Симор Гласс, молодой муж, травмирован войной, не может примириться с обывательским мирком своей жены и потому решает умереть. Другие, напротив, что герой решает кончить с жизнью, как бы это двусмысленно ни звучало, на пике счастья, от полноты бытия. Почти как я в то утро после марихуаны и группового секса. Но мне кажется ключ в названии. По-английски оно звучит так: Perfect day for bananafish – совершенный день для бананарыбки. И имеется в виду: совершенный день для смерти. Именно потому, что для смерти каждый день совершенен. Смерть может сделать каждый день совершенным. Для смерти подходит любой день и любой возраст. И лучше сделать это в самый обычный, в самый нормальный день. Тогда и смерть будет обычной, нормальной. Лучше не ждать, когда смерть станет вынужденной, как секс в браке для зачатия детей. Лучше успеть сделать это с ней по любви.

И когда ты понимаешь, что можешь это сделать в любой день, тогда ты обретаешь свободу. Этому учит Сенека. Тогда ты видишь, что стены в твоей темнице картонные, а дверь всегда открыта. Ты находишься в тюрьме своего тела ровно столько, сколько сам этого хочешь. Ты свободен, потому что ты всегда можешь уйти. Сенека рассказывает про гладиатора, который не хотел умирать принуждённо и перед боем с дикими зверями забил себе в глотку палку с губкой, которой рабы подтирали свою задницу в отхожем месте. Сенека говорит, что это прекрасная смерть. Сам Сенека вскрыл себе вены на руках, но кровь выходила плохо, и он стал вскрывать вены на ногах, чтобы смерть пришла скорее. Есенин тоже вскрыл себе вены, но, не дождавшись, как нетерпеливый влюблённый, повесился. Когда люди повторяют «сильна, как смерть, любовь» – они не понимают, что это на самом деле значит.

Она слушала меня, какую бы пургу я ни нёс, обнимала и пыталась поцеловать в лицо, в шею, в губы. Официантка принесла наш заказ и с брезгливостью выгрузила на деревянный стол. Она старалась смотреть в сторону, но даже боковой взгляд выдавал презрение, с трудом помещаемое в границы официальной рабочей вежливости. Я понимал, как это выглядело со стороны: пожилой мужчина, возраста хорошо за сорок, седой, с клочковатой неухоженной бородой, с опорной тростью, притулившейся у лавки, и девушка возраста его дочери, и то если ребёнок был не очень ранний, но явно не дочь. Мне всегда нравилось в девушках то, что в таких ситуациях им плевать. Моей Лиле было плевать, что о нас думает официантка. Она вообще не воспринимала её как субъекта. Если бы какой-то робот с зелёной лампочкой на голове катал тележки с пивом и закусками, Лиля точно так же не обращала бы на него внимания.

– Знаешь, я давно хотел тебя спросить. Помнишь, я говорил тебе, что я был в Луганске. Где-то два с половиной года назад, весной или летом. Мы были на встрече с вашими министрами и прочими начальниками республики. А потом я вышел на улицу прогуляться. Это была центральная площадь. За большим зданием, где проходила встреча, сад. Есть ведь у вас такое место? И вот, на площади. Там место для фонтана. Скамейки. И молодые люди, парни, гуляли с девушками. И в воздухе была такая атмосфера любви и свободы, свободной любви. И мне показалось, это потому, что смерть рядом. Потому, что вот эти мальчики завтра могут надеть камуфляж и уйти на передовую и там погибнуть, но потому здесь сегодня такая свобода и такая любовь. И одна девушка, совсем юная, сидела на коленях у парня и целовала его. Я проходил совсем близко и невольно засмотрелся на них. И я захотел оказаться на месте этого парня. Чтобы ты целовала меня. Потому что это была ты. Я запомнил.

Она сказала: но я не помню тебя. Тогда я тебя не видела. Я сказал: конечно. Ведь ты целуешься с закрытыми глазами.

Она сказала: тот парень действительно умер. Но не на войне. Где-то в путешествиях авто-стопом или в поисках наркотиков. А ты получил то, что хотел. Теперь я на твоих коленях и целую тебя.

Я покачал головой. Это не совсем то же самое. Я хотел снова стать молодым. Военно-обязанным. Чтобы передо мной была вся моя жизнь или быстрая юная смерть. Чтобы в воздухе пахло войной и весной. И чтобы ты сидела у меня на коленях среди маков, сирени, под высоким лазурным небом; так, как это могло быть в Луганске, и было, но не со мной. Наши желания исполняются с поправкой на карму. Так, что исполнение выглядит насмешкой и издевательством. Я стал ещё старше, ещё дальше от любви и свободы, я больше не был в Луганске, ты сама приехала в Петербург, и мы оказались в его серости, сырости, старости, мы сидим в фальшивом ирландском баре и целуемся украдкой, словно мы что-то украли и это что-то у нас отберут, и ведь отберут, обязательно отберут.

– Кто отберёт?

– Все они. Все люди. И город. Серый город Петербург, моя старость, саблезубые тигры, официантка и вон тот подозрительный тип с газеткой.

Она погладила своей ладонью мои колючие щёки и сказала: ты слишком много думаешь и слишком много смотришь по сторонам, когда целуешься. Тебе надо научиться целоваться с закрытыми глазами.

2

Всему, что я знаю и умею, меня научили женщины. Сестра научила меня надевать колготки на правильную сторону. Мама научила готовить зажарку для супа. Водить автомобиль меня учила Синтия. Синтия всегда была крутой. Когда я был лохом и ездил на метро, у Синтии уже был свой «Вольво». Я купил сильно подержанный «Форд Фиеста» небесно-голубого цвета, но не умел водить. Я не сдавал экзамен в ГАИ, права мне купил мой папа в Чечне за сто долларов. Я попросил Синтию дать мне несколько уроков. Мы выехали на трассу. Я нервничал и орал:

– Блядь, блядь, блядь! Как вы это делаете? Как можно одновременно смотреть вперёд, в зеркало заднего обзора, в боковые зеркала, как можно всё видеть и управлять машиной, когда вокруг столько мудаков на колёсах? Я никогда не научусь! Я не смогу водить! Лучше я всю жизнь буду ходить пешком!

Синтия успокаивала меня:

– Ничего. У всех получается, и у тебя получится. Пройдёт всего несколько месяцев, и ты будешь небрежно рулить одной рукой, а вторую руку держать на коленке у девушки, которая сидит рядом.

Может быть, она хотела, чтобы я положил свою руку к ней на коленку. Но мне было не до коленок. Мне было страшно. Я был в отчаянии. А потом я научился. Всё случилось именно так, как предсказывала Синтия. Теперь я вёз Лилю на своём «Чероки», и моя правая рука сжимала её коленку, обтянутую тугими джинсами. Это была уже сто сорок пятая коленка или что-то вроде того. Ведь прошло не несколько месяцев и даже не несколько лет, прошла целая жизнь и, может быть, не одна. Я рассказал про это Лиле. Я спросил:

– Ничего, что я тебе это рассказываю? Ты не ревнуешь?

Лиля улыбнулась.

– Это нормально. Просто ты ведёшь машину, ты положил свою руку на мою коленку и вспомнил. И рассказал мне. Это нормально.

Но это было ненормально. Может, я хотел, чтобы она ревновала. И не к моей законной жене, а ко всем тем девушкам, которые сидели у меня в «Форде», в «Кадиллаке», в «Ситроене», в «Чероки» и даже в «Волге» ГАЗ-2410, которая тоже у меня была. Но Лиля ревновала меня к другим девушкам не больше, чем к автомобилям. За это я не люблю девушек. Им плевать на то, что и с кем было у тебя раньше. Лишь бы сейчас, прямо сейчас ты принадлежал только ей одной. У моего «Чероки» больше чувств, больше ревности и больше любви, чем у всех этих юных красоток.

Похоже, Джей-Ди Сэлинджер не был хорошим человеком. Кажется, он был редкостным говнюком. Или обычным говнюком. Таким, как все мы. Или многие из нас. Он не пропускал ни одной юбки. Он женился на женщинах, а потом бросал их. Он бросил жену с двумя детьми. Надеюсь, она отсудила у него много денег. И ту школьницу, или якобы школьницу, которая взяла у него единственное интервью якобы для школьной газеты, я уверен, что он её отодрал. Он поставил её к верстаку в своём сарае, в своём «кабинете», как он это называл, задрал платье и трахнул её. Пока жена в доме кормила малютку-ребёнка. Он совокуплялся с поклонницей. Грёбаный Холден Колфилд. Ведь жене было запрещено входить в его кабинет, когда он священнодействовал над своей «литературой». И она правильно сделала, что опубликовала интервью не в школьной, а в местной газете. Хоть какую-то пользу поимела от говнюка. Начала карьеру и купила на гонорар новые трусики, взамен тех, что он испортил. Он ненавидел людей! Он не давал интервью! Он скрывался от всех! Как это нечестно. С миллионными тиражами. Как будто нам это нравится! Кому это нравится? Что, мне нравится давать интервью или рассказывать «о своём творчестве» стайке посетителей районной библиотеки? У тебя всего две

или семь тысяч проданных копий, и ты послушно идёшь на встречи, отвечаешь на вопросы тупых журналистов, которые не прочитали ни одной строчки в написанных тобой книгах. Мы принимаем аскезу, мы несём свой крест. Никто не любит людей. Те, кто любит разговаривать с людьми, те не пишут книги. Но мы терпим. А он стал миллионером и заявил всем тем, кто отдал свои деньги за его нытьё: я не хочу вас видеть, не хочу знать. Он предал своего наставника. Он послал всех на хер. Как будто он рок-звезда и все ему обязаны, а он никому. Он оправдывал себя тем, что он воевал, он видел войну и смерть, и у него на всю жизнь незаживающая рана. Какая это липа! Что это за мужик, у которого «травма» от войны? Это придумали американцы. Это у них появился «вьетнамский синдром». Разве у викингов, у готов, у римлян и конкистадоров был «вьетнамский синдром»? У настоящего мужчины травма только от того, что нет никакой войны. Он целуется с открытыми глазами и всегда готов всех убить. В детстве я убил трёх или четырёх человек, ещё нескольких покалечил, возможно, на всю жизнь. И что, думаете, они снятся мне? Кровавые мальчишки? Чёрта с два! Они целились в меня, они хотели меня убить. Но я успел выстрелить первым. Если бы они убили меня, разве они видели бы моё окровавленное тело в своих кошмарах? Да им было бы плевать! И мне плевать. В этом прекрасном яростном мире мы убиваем и умираем. И это легко. Даже для детей. Особенно для детей.

В 1994 году мне был 21 год, и я был ещё ребёнком. Я был мальчиком, не знавшим женщин. Я был невинным и оттого наиболее пригодным для боевых действий. Ещё летом я вернулся домой из Петербурга на каникулы, а потом сбежал, якобы назад, в Россию, а на самом деле в Знаменское, где собирались добровольцы оппозиции, чтобы воевать с Дудаевым. Из Надтеречного района нас направили в учебный центр «Прудбой» в Волгоградской области на двухнедельные курсы. До этого я не служил в армии и не держал в руках автомата. Нас, ополчение, наскоро обучили стрелять и бросать гранаты. Ни статуса военнослужащих, ни соответствующих документов. Мы были незаконными вооружёнными формированиями, такими же, какие образовывались вокруг Дудаева, но с противоположной стороны. После курсов нас сбивали в добровольческие роты и батальоны, готовили к штурму Грозного. Мы ждали начала боёв с нетерпением, как молодожёны ждут первой брачной ночи. Хотя какая чушь. Молодожёны ничего не ждут, современные молодожёны уже перетрахались до чёртиков, а мы ждали. Осенью мы выступили. Нашу колонну впустили в Грозный, но это была ловушка. Нас ждали и начали методично уничтожать. Я участвовал в том самом кровопролитном бою, что случился в парке культуры и отдыха, среди качелей и каруселей. Большинство моих товарищей погибли, но я выжил. Я занял удобную позицию и эффективно расстрелял весь свой боекомплект. Я помню, как скрючивались и застывали в смертных позах сепаратисты, которых прошивали очереди моего «АК». Меня не задело ни одной пулей, ни одним осколком. Только слегка оглушило разорвавшимся неподалёку выстрелом из подствольного гранатомёта. Я успел заметить брешь в окружении и прорвался из парка. В какой-то канаве я спешно стянул с себя камуфляж, переоделся в гражданское, которое было у меня с собой в рюкзаке, ведь я всё предусмотрел. И, дождавшись ночи, выбрался из Грозного. Ушёл полями, пустырями, оврагами, держась вдали от дорог и больших улиц. Пешком я дошёл до Надтеречного, но не стал заявляться в штаб струсившей оппозиции, которой уже непонятно кто командовал, и частным порядком свалил из Чечни в Россию, вернулся в Петербург, словно и не был ни на какой войне. И никогда никому не рассказывал о своём участии в боях. Потому что только скажи – и начнутся проверки. И доказывай потом, что ты воевал не против России, а за неё, за единую и неделимую, за демократический выбор для республики, против нацистского диктатора Дудаева, против террористов Басаева и Радиева и всех прочих. Мне хватило. Свою войну я получил, свою невинность потерял, убил то ли трёх, то ли четырёх мужчин и мог уже считать себя взрослым. В тот же год я женился и потерял невинность в прямом смысле. И только тогда у меня начались психические проблемы.

Мне не снились парни, убитые мною в парке культуры и отдыха, застывшие под скрипящими каруселями. Зато я представлял себе мужчин, которые были до меня у моей жены. Ей было двадцать лет, и теперь я понимаю, что она была почти целомудренной по современным городским меркам. У неё было то ли два, то ли три до меня. Может быть, четыре. Но я не смог ей простить этого. Почему она не сохранила себя в чистоте? Почему не дождалась меня? Ведь я ждал её. Я думал, что мне это не важно. Что я современный человек и что главное – это любовь. Чушь. Любовь только сделала мою рану больше. После этого я влюблялся ещё несколько раз, иногда женился. Но каждый раз совершал одну и ту же ошибку. Я думал, что выше этого дикарского предрассудка о чистоте невесты. Но я не выше. Или это не предрассудок. У меня было тридцать или триста женщин. Большинство из них моложе меня. Некоторые были совсем юными. Но все они оказывались уже испорченными. Кто эти люди, которые лишают девочек невинности? Наверное, специальный отряд мразей. Куда они потом деваются? Почему не женятся на тех, кого обесчестили? Может быть, они марсиане? Может, они черти из преисподней? Они поднимаются, делают своё грязное дело и, похохатывая, исчезают в огне и сере? Это какой-то абсурд. Чем дальше, тем моложе были девушки, с которыми я сходил, и тем богаче был их сексуальный опыт. Я начал изменять своей первой жене, потому что хотел сравнять счёт, хотел отомстить женщинам за неверность, но мне никогда не сравнять счёт, они всегда на корпус впереди, их результат всегда на порядок больше. Помните, у Набокова, когда герой овладевает Лолитой, он ошеломлён, что не был у неё первым. Даже у Лолиты. У Лолиты, которая стала иконой педофилии, даже у неё был кто-то раньше. Какой-то гнусный мальчик в пионерском лагере. Исчадие ада. В каком возрасте надо овладевать женщиной, чтобы стать у неё первым? Всего один раз я нарушил чью-то невинность, и это была практически «старая дева», ей было двадцать два года, у неё не клеилась личная жизнь, но и со мной ничего не получилось; у меня порвался презерватив, и кусочек латекса остался внутри неё, отчего у неё случилось загноение и она меня возненавидела; впрочем, и я её не полюбил; я стал для неё той самой мразью, тем чёртом, не более. Все остальные, тридцать или триста, все трахались до меня и пропустили через себя табуны членов. И я никогда не смогу об этом забыть. Не могу отвлечься. Каждый раз, оказываясь в постели с девушкой, я чувствую рядом эти взводы и роты, эти футбольные команды потных мужчин, которые совокупляют мою женщину вместе со мной и вместо меня. И это неправда, что мужчине всё равно, кто был до. Потому что никто не был до. Все, кто были, были не до меня, а вместо меня. И они никуда не уходят. Смерд их органов поднимается из глубин самого любимого женского тела. Лиле восемнадцать лет. Всего восемнадцать лет, чёрт побери. Можно было ожидать. Но ожидать нечего. Она начала половую жизнь в тринадцать. В тринадцать. До меня она активно занималась сексом уже пять лет. Сколько было у неё партнёров? Она могла иметь у себя в Луганске, а потом и здесь, в Петербурге, нового парня каждый год. Это нормально. Сейчас это нормально. Если люди встречаются целый год, то это уже серьёзные, длительные отношения. Или полгода. У неё могло быть пять мужчин до меня. Или десять. Может быть, даже двенадцать, ничего страшного, так бывает даже с очень хорошими девочками. Но как с этим жить, если даже один до меня – это слишком много? В тринадцать лет! Кем надо быть, чтобы трахнуть девочку, которой тринадцать лет? Лилия говорит, что не жалеет, что это была любовь и они познакомились по скайпу, а потом он приехал к ней из Севастополя, который тогда был ещё не наш, а всё это была Украина. Жаль, что Севастополь стал нашим без боя. Я даже не могу надеяться, что его разорвало бомбой. Кто может трахнуть девочку среди кукольных платиц? Это только выглядит сексуально, когда девушке на самом деле хотя бы шестнадцать, и она притворяется ребёнком и обнимает плюшевого мишку, а ты засаживаешь её поглубже. Но в тринадцать лет она не может никем притворяться, она действительно ребёнок. Этим уродам из скайпа я бы лично наматывал кишки на штык.

Девочка моя! Храни целомудрие. Не оскорбляй своего будущего мужа. Не делай несчастным на всю оставшуюся жизнь будущего отца своих детей. Храни невинность. Больше от тебя

ничего не требуется. Ты можешь не учиться, не работать, быть вредной, несносной, капризной, какой угодно. Главное, будь невинной и отдай себя только тому, кто отдаст себе тебя и отдаст на всю жизнь. И он отдаст, если ты сохранишь себя для него. А если нет, то он никогда не сможет тебе этого простить. Он будет ходить по борделям, знакомиться в интернете, он будет стараться отомстить тебе и наверстать упущенное, и не наверстает, потому что это невозможно, и будет всегда несчастен с тобой. А потом обязательно уйдёт от тебя к другой, с которой тоже будет несчастен. Девочка моя! Я видел ангела. Ангел сказал мне, что если женщина всю жизнь будет верна только одному мужчине, то её забирают в рай. Даже если она отравила мужа и всю его семью, сожрала своих детей и развязала ядерную войну. Нет греха для целомудренной женщины. Она приравнивается к мужчине, державшему всю жизнь целибат, и к апостолу, который спас своей проповедью два континента. Но женщина, познавшая больше одного мужчины, останется грешной, даже проведя остаток жизни в монастыре или в гималайской пещере или если спасёт миллион детей от СПИДа и голода, как Анжелина Джоли. Елена Прекрасная принадлежала одному мужчине, а потом возлегла с другим. Из-за неё погибла Троя и тысячи прекрасных героев убили друг друга. Из-за её неверности и только из-за неё. Она должна была просто сказать: нет. Не в этой жизни. Теперь она в аду. И пробудет в аду ещё миллиард лет. А после воплотится в матку пчелиного улья, которую покрывают десятки трутней, или станет мужчиной, говнюком, таким как я или Джей-Ди Сэлинджер. Просто будь чиста, будь целомудренна, и ты будешь в раю, ты станешь богиней. Моя мать умерла в шестьдесят лет от гангрены. Она ела мясо и редко молилась, она была обычной мирской женщиной, но сейчас она в раю, потому что никого не знала, кроме моего отца. Моя бабушка умерла в восемьдесят лет, и она не просто в раю, она у престола Господа, главная над ангелами, потому что, потеряв мужа ещё молодой, она ни с кем больше не сошлась, твёрдо сказав: один муж от Бога, второй – от чёрта. Все наши предки в раю, или почти все, а мы катимся в ад, потому что не умеем хранить невинность. Девочка моя! Храни целомудрие, и ты всё получишь в этой жизни и в жизни следующей, всё, о чём только можно мечтать.

Вы подумаете, что я больной ублюдок, что я дикарь, что мне надо уезжать из современного города и отправляться в горный аул, чтобы найти себе невинную невесту, и не морочить голову нормальным девушкам. Если вы так подумаете, то я понимаю: вы женщины. Если вы мужчины, то вы согласны со мной, хотя никогда не признаетесь вслух, чтобы ваши женщины, не сумевшие сохранить для вас невинность, не заклевали вас насмерть. Никто не признается, но все мужчины дикари и все думают так. Вам это кажется удивительным, *а мне кажется удивительным, что у мужчины может быть «травма» от войны и какие-то душевные переживания по поводу врагов, которых он убил в честном бою.* Наверное, я и правда дикарь и мы живём в разных мирах. Я родился и вырос в чеченском селе, где мальчики женились на девочках и девочки были верны одному мужчине всю жизнь, и это не было чем-то удивительным, и вы никогда не сможете вывезти это село из меня, и мне не помогло ни высшее образование, ни жизнь в большом городе, ни начитанность современной литературой, даже американской, такой как Сэлинджер, хотя, мне кажется, в этом Сэлинджер меня бы понял, он тоже был, как и я, больным ублюдком, просто, в отличие от меня, талантливым. И таким же нормальным считалось, что мужчина идёт на войну и убивает людей. А не наоборот. Теперь у вас нет травмы от того, что ваши жёны до вас переспали с половиной студенческого общежития, а если вы в бою застрелили вражеского солдата, то у вас травма. Вам кажется, что я ненормальный. Мне кажется, что это вы придурки.

Сэлинджер был говнюк и ублюдок, но в чём его нельзя упрекнуть, так это в отсутствии мужества. Мне кажется, его рассказы о «душевной травме после войны» – это удобное прикрытие. На самом деле ему было плевать. Война дала ему понимание, что жизнь человека ничего не стоит, что она может быть закончена в любую минуту, и это хорошо. Всегда можно уйти. Поэтому его герой уходит. Сам Сэлинджер прожил до девяносто одного года, и это нор-

мально, ведь понимая, что способен решить свои проблемы одним выстрелом, человек может спокойно и счастливо жить хоть до ста лет. Хемингуэй предпочёл воспользоваться этой опцией. Во всём остальном между ним и Сэлинджером нет никакой разницы. Не уверен, что Ремарк может быть поставлен с ними в одном ряду. А выше их только Эрнст Юнгер, проживший сто два года, потому что никогда ни во что не ставил жизнь.

3

Всего через год, два или тысячу лет – так мало! – после того, как мы начали встречаться с Лилей, Лиля сказала, что возвращается в Луганск. Я был к этому готов. Я сказал, что поеду с ней. И она тоже не удивилась. Это был лучший выход. Рано или поздно наша тайная связь должна была стать явной. А это означало тяжёлые, муторные разборки с женой, раздел имущества, много боли, пыли и грязи. Война – это всегда идеальный выход. Лучше войны может быть только смерть, но смерть на войне весьма вероятна, тем война и привлекает всех нас.

Наш семейный бизнес жена твёрдо держала в своих маленьких, красивых, ухоженных руках. Моё отсутствие вряд ли кто-то бы заметил или воспринял всерьёз, если не обставлять это разводом и разделом. Я как бы оставался, но в то же самое время уходил. Прекрасно. И для сына всё сохранялось как было. Просто папа в командировке. А сын сразу, как поступил в университет, стал жить отдельно от нас.

Я сказал жене:

– Ты знаешь, у меня маленький член, и тот не стоит. Даже покупка нового джипа не помогла. Мне нужно развешаться. Нужно что-то покруче. Миномёты и прочая артиллерия. Танки и авиация. Я хочу почувствовать себя живым, даже если ради этого мне придётся стать по-настоящему мёртвым. Все мужики такие.

– Все мужики такие, – саркастически повторила жена. Так состоялось наше прощание.

Мы отправились с Лилей обычным маршрутом граждан непризнанных республик: поездом до Ростова, а оттуда автобусом в Луганск. Когда я был в Луганске впервые, нас провозили специальным коридором и нас встречали милицейские машины со спецсигналами; теперь же пришлось стоять в очереди, как простому человеку. Мы поселились в её квартире и первые две недели просто занимались сексом, выходя на улицу только чтобы погулять и купить продукты. Потом мои запасы «сиалиса» стали подходить к концу, да, кажется, мы и наелись друг другом до отвала. Кроме того, я приехал в Луганск не для того, чтобы трахать девушку, хоть и любимую. И я нашёл учреждение, в котором принимали добровольцев в луганскую «милицию».

Я мог бы воспользоваться связями, отправиться в Донецк. Вряд ли это гарантировало мне какое-то привилегированное положение, но так было бы проще и обстоятельно меньше пришлось бы объяснять, кто я и что мне здесь нужно. И боёв под Донецком больше, а стало быть, жить веселее. Но Донецк – это далеко от Луганска и от Лили. А мне ещё хотелось побыть с ней.

Я продолжал жить с Лилей, когда не был на позициях. Служил в подразделении луганской армии, называемой «милицией». Мы дежурили на линии соприкосновения. Иногда обменивались с украинцами партиями боеприпасов. В смысле мы стреляли по ним, они по нам. В моём подразделении случилось два «трёхсотых», то есть раненых, и один «двухсотый», то есть убитый. Примерно такие же потери несла и противоположная сторона. В целом было скучно. К тому же денег платили мало. Оружие выдали самое простое, а продвинутую амуницию полагалось покупать за свой счёт. Так я провёл в Луганске три месяца. «Сиалис» совсем закончился, и денежные запасы тоже стали истощаться. Просить жену прислать мне содержание я не решался. С женой мы созванивались. Она искренне беспокоилась о моём здоровье и ещё спрашивала: ну как там твой член? Уже стоит? Нет, не стоит, почти не обманывал я.

А потом в Луганске появились вербовщики. Я узнал о них от одного парня, тоже добровольца. Он решил отправиться в Сирию. И я понял, что моё время пришло. Я попросил свести меня с вербовщиками и заявил, что хочу подписать контракт. Боялся, что не возьмут: из-за возраста и плохого здоровья. Оказалось, зря. Брали всех. И я был не самым старым. Вербовщик спросил: боевой опыт есть? Кроме Луганска. Я сказал: официально нет. Вербовщик посмотрел на меня внимательно и переспросил: а по факту? Я сказал: Первая чеченская. Отряд оппози-

ции, штурм Грозного. Вербовщик понимающе кивнул головой и сказал: вообще-то чеченцев у нас стараются не брать. Но попробуйте.

В тот вечер Лиля сразу почувствовала неладное. Она начала целовать меня уже в прихожей. Я сказал, что уезжаю в командировку. Возможно, надолго. Она заплакала:

– Ты меня бросаешь одну?

– Ты дома. На родине. Здесь у тебя много друзей.

– Но мне нужен ты! Только ты один!

Мы любили друг друга всю ночь, отчаянно, остервенело. Под утро она не хотела меня отпускать. Буквально она держала мой член и пыталась с ним что-то сделать, хотя это было уже невозможно. Она сказала:

– Мне кажется, я вижу тебя в последний раз.

А мне кажется, что она обращалась не ко мне, а к нему. К моему члену. И была права, конечно. И я думал: это ничего. В мире есть миллионы других членов. И между ними, честно говоря, нет никакой разницы. Я был всё ещё обижен на неё. За то, что до меня она держала в руках, в себе, других мужчин и, наверное, так же ласкала, и целовала, и не хотела отпускать. Мне хотелось её наказать. И наказать себя за то, что не смог её простить и никогда не смогу простить ни одну любимую девушку.

Из милиции меня уволили легко и просто, так же, как приняли. Я сдал оружие, удостоверение и получил расчёт. Небольшие деньги, заработанные в Луганске, я оставил Лиле. И отправился вместе с несколькими другими новобранцами обратно в Россию. На этот раз нас снова везли по специальному «коридору», где не проверяли документы и никто нигде не ставил никаких отметок. Формально я так и остался в Луганске. Навсегда.

У мужчины, любовь которого оскорблена неверностью женщин, есть два способа заглушить боль. Это война и веданта. Иногда веданта после войны, как у Сэлинджера. Иногда война после веданты. Иногда война и веданта вместе, одновременно. Потому что на самом деле это только кажется, что война и веданта – два способа заглушить боль, а в действительности это один способ. Санньяса-упанишада, тайное знание об отречении, советует мужчине, который решил оставить мир, уходить в лес, в монастырь или на войну. Это одно и то же. Веды – жреческое знание, но веданта была придумана воинами. Веданта – это реформа ведийской религии царями и солдатами; они и стали первыми учителями и учениками веданты. Бхагавад-гиту, сливки упанишад, канон веданты, рассказал воин Кришна воину Арджуне на поле битвы перед решающим сражением. Об этом надо всегда помнить, открывая любую упанишаду, или Гиту, или Веданта-сутру. Жрецы потом опять захватили власть над дискурсом и переиначили веданту на свой лад, затуманив её мутными имперсональными толкованиями. Но суть веданты проста: взять оружие и встретить свою смерть в полном сознании.

Безмозглые идиоты, составляющие Википедию, пишут, что Сэлинджер увлекался дзен-буддизмом. Я не знаю, откуда они это взяли. Может быть, есть такие биографические сведения, но я их не встречал. А может, и нет. Может, для этих идиотов всё, что с Востока – то буддизм. Может, они прочитали об этом у себя «ВКонтакте». О Сэлинджере точно известно, что он присоединился к миссии Рамакришны, которая проповедовала веданту. Хотя, конечно, это была сильно модернизированная веданта. Но никаким буддизмом даже в ней и не пахло. Буддизм – это еретическая ветвь индуизма, которая была вытеснена из Индии ещё при Шанкаре, учителя веданты. Они не видят никакой разницы, потому что они тупые. Они и в моих книгах видят буддизм, хотя его там нет. Сэлинджер прямо говорит о веданте, говорит сам, в своих текстах. Почитайте «Симор: введение». Почитайте что угодно. Мой любимый профессор, лучший знаток американской литературы, читал цикл лекций о Сэлинджере, который слушала моя жена, и написал целую книжку о Сэлинджере. И он ни словом не обмолвился о веданте Сэлинджера. Это странно. Не только Сэлинджер, но и вся американская литература, начиная с Эмерсона и Торо, пропитана ведантой. Как можно быть специалистом по американской литературе и не

видеть в ней веданты? Как можно не замечать прямых цитат, иногда даже вынесенных в эпиграф, как у Джона Стейнбека? Если бы я был не тупым селянином, а потомственным филологом, я бы написал монографию про влияние веданты на американскую литературу. Но у меня не хватит ни образования, ни мозгов. Все мои потуги сочинять интеллектуальную прозу всегда наталкивались на недоумение литературного сообщества: ты же чеченец! Куда ты лезешь? Интеллектуальная проза – это не для тебя, это для потомственных интеллектуалов. А ты пиши лучше о том, что понимаешь: о войне и можешь ещё о любви, орнаментально, по-дикарски, чтобы на основе твоих текстов настоящие интеллектуалы могли изучать нравы отсталого племени воинственных и целомудренных горцев. Поэтому я так и пишу. Так и живу. Всегда проще делать то, чего от тебя ожидают. Все ждали от меня, что рано или поздно я пойду на войну. И я пошёл на войну. Моё ремесло – убивать, а не рефлексировать. И в этом суть настоящей веданты. Остановить ум и исполнить то, что тебе предназначено. И если я прав, то ничто мне не помешает и никто не сможет меня остановить.

Так думал я, приехав в тренировочный лагерь и всё ещё сомневаясь, возьмут ли меня, ведь я стар, да ещё и чеченец, а чеченцев, как оказалось, брать в ЧВК не хотят, наверное, тому есть причины. Лагерь напомнил мне «Прудбой» и молодость. В первый же день у меня пропала подагра, верный спутник последних трёх лет моей жизни. И это понятно: врачи знают, что подагра всегда куда-то девается во время войны. Никто не обращается в больницу с подагрой, когда идут боевые действия. Я забыл в автобусе свою опорную трость, подаренную мне друзьями, с набалдашником в форме львиной головы, со скрытым внутри кинжалом, и больше о ней не вспоминал: не понадобилась.

Сначала было психологическое тестирование. Передо мной раскладывали картинки и просили сказать, что мне напоминают фигуры. Меня проверили на детекторе лжи. Потом задавали вопросы: могу ли я убить человека? Могу ли я стрелять в ребёнка? Могу ли я подорвать транспорт, зная, что в нём находятся женщины и старики? Могу ли я обстреливать жилые кварталы, даже зная, что там есть мирные жители? Сколько времени я буду думать, прежде чем убить противника? Если можно убить или отпустить и никто не узнает, что я предпочту сделать? Боюсь ли я смерти или ранения? Хочу ли я умереть? И так далее. Я отвечал просто. Я всегда готов убивать. Ребёнок может быть живой бомбой или может сам в тебя выстрелить. Знаю я этих детей. Женщины ничем не лучше и не хуже мужчин. Какого чёрта мирные жители делают в зоне боёв? Увидев противника или кого-то похожего на противника, я постараюсь сразу его убить, а разбираться буду потом. Если можно убить или отпустить, то лучше на всякий случай убить. Смерти и ранений буду избегать со всем тщанием, умирать я не хочу, но иногда люди умирают, а солдаты умирают несколько чаще, чем другие люди. Думать об этом нет смысла, иначе лучше сидеть дома и три раза в день измерять себе давление, а не ехать в горячую точку. Тестирование я прошёл с оценкой «годен».

Моё чеченское происхождение вызвало замешательство. Особенно потому, что я обратился сам, минуя официальные и полуофициальные «чеченские» структуры. Я сказал, что никак не связан с Чеченской республикой, всю сознательную жизнь провёл в Петербурге, говорю и думаю по-русски, никого из кадыровских силовиков не знаю и знать не хочу; я сам по себе. Эту информацию перепроверили и подтвердили. «Галочка» была снята.

Хуже всего было у меня с физической подготовкой. Отжался я тридцать раз, но подтянулся еле-еле два раза, кросс пробежать не смог, в спарринге не выдержал и минуты: молодой боец вырубил меня ударом ноги в висок. Ножевого боя я не знал и от экзамена отказался. Зато на стрельбище я набрал баллов с лихвой: из автомата, карабина, пулемёта бил уверенно, похуже из пистолета по движущимся мишеням, но тоже приемлемо.

- Откуда навыки стрельбы? – спросил меня инструктор с некоторым подозрением.
- Я чеченец.
- Я знаю. И что?

– У меня есть друг. Он известный филолог. Профессор. По национальности немного еврей. Однажды он был у меня в гостях. Увидел электрическое пианино. Сел и начал играть Бетховена. Я думал, что всё про него знаю. Оказалось, нет. Кажется, если бы он увидел скрипку, то сыграл бы и на скрипке.

– Понятно.

Меня взяли. Я подписал контракт. Согласно контракту мы отправлялись на нефтяные разработки в качестве технического персонала. В связи с напряжённой обстановкой в стране назначения мы должны были иметь средства самообороны и быть готовыми к нестандартным ситуациям. И всё. Мелким шрифтом сообщалось, что консульская поддержка исключена, а при гибели в результате несчастного случая возврат тела на родину не гарантируется; но гарантируется страховая выплата ближайшим родственникам, которых следовало указать. Я указал жену и сына.

Только тогда и начались настоящие испытания.

4

Наш тренер и будущий командир носил форму без знаков отличия, но требовал, чтобы мы называли его «мой генерал». Позывной у него был Барс. Это был низкий коренастый мужчина, чуть младше меня, немного похожий то ли на татарина, то ли на финна. Настоящего имени и фамилии его мы не знали. Он руководил занятиями, а также проводил с нами разъяснительную работу. В своём специфическом ключе. Как родитель, он дал нам новые имена. Меня недолго думая Барс наделил позывным Чечен. Мне это не понравилось. Я сказал, что это слишком банально и неочевидно. Я не чувствую себя чеченцем, да и не похож. У меня славянская внешность.

– У тебя? Ты что, думаешь, я чеченов не видел? Вы все такие. Вроде русые, вроде свои. А приглядишься – звери. Ты зверь. Но Зверь у нас уже есть. Поэтому ты будешь Чеченом. Вопрос закрыт.

Барс строил нас на небольшом плацу и, расхаживая перед шеренгой, проводил политработу.

– Вы дерьмо. Если вы думаете, что я буду вас, как сержанты в американских фильмах, закалять, учить выживанию и воинскому делу, то вы ошибаетесь. Мне насрать на вас. Я вас ничему не буду учить. Остальные инструкторы тоже. Чему сами научитесь, то и хорошо. Нет – никому нет дела. Выпускных экзаменов не будет. В командировку поедут все. Вы уже подписали контракт. Можете ничему не учиться. Можете не ходить на занятия и целый день драть в казарме. Всем похуй. А знаете почему? Потому что вы мясо. Половина из вас сдохнет в первом же хорошем бою. Знаете, почему взяли всех, даже таких бесполезных уродов, как ты, и ты, и вот ты тоже, жирный кусок говна? Чтобы вас убили первыми. Противник убьёт вас и подумает, что сделал своё дело. На самом деле он просто израсходует боеприпасы на говно. Ваша единственная задача – сохранить жизнь настоящим бойцам, которых среди вас с гулькиной хуй. Они тоже сдохнут, но чуть позже. Сначала они выполняют боевую задачу. А ваша задача – стать мёртвым говном. Это понятно?

– Так точно! – отвечали мы хором.

– Вы уроды. Вы неудачники. Вы говно. Но за то, что вы сдохнете, заказчик выплатит по три миллиона рублей вашим жёнам. Вы никогда бы не смогли столько заработать за всю свою сраную жизнь. Поэтому, когда вы сдохнете, никто не будет плакать. Всем будет только лучше. Ваши жёны купят себе новые сиськи и найдут настоящих мужиков, которые будут их ебать. Потому что вы не могли их ебать. У вас не стоит. Вы бесполезное говно.

Особенно Барс любил меня. Он говорил:

– Чечен, выйти из строя!

Я выходил.

– Чечен, у тебя стоит хуй?

– Никак нет, мой генерал!

– Правильно. Если бы у тебя стоял хуй, ты бы сидел дома и ебал свою жену, а не припёрся сюда. Ты сдохнешь, а твою жену будет ебать другой мужчина, с настоящим хуем, таким как у меня. Дай мне адрес своей жены, я первый к ней приеду. Я расскажу, что ты сдох, как вонючий кусок говна, и выебу её. Она красивая?

– Так точно, мой генерал!

– Хорошо. Тогда я её обязательно выебу. Кем ты был до того, как подписал контракт?

– Писателем, мой генерал!

– Кем, блядь?

– Писателем! Мой генерал!

– И что ты писал?

– Книги, мой генерал!

– Книги? И как они назывались? «Война и мир»? «Прощай, оружие!»? «Три товарища»?

– Никак нет, мой генерал!

– Если ты писатель, то почему я тебя не знаю? Почему я не читал ни одной твоей книги?

Ты думаешь, что твой генерал дебил и не читает книг? Отвечай!

– Никак нет! Я не думаю, что мой генерал дебил, мой генерал!

– Как твоя фамилия? Акунин? Сорокин? Лукьяненко?

– Никак нет, мой генерал!

– Я знаю всех писателей. Ты не писатель. Ты говно. Повтори!

– Я говно, мой генерал!

– Я не читал ни одной твоей книги. Никто не читал ни одной твоей книги. Потому что всё, что ты написал, – это говно. Повтори.

– Я писал говно, мой генерал!

– Может, ты думаешь, что ты сходишь на войну и потом напишешь об этом книгу, станешь богатым и знаменитым?

– Никак нет, мой генерал!

– Правильно. Потому что ты ничего не напишешь. Ты не вернёшься. Ты сдохнешь в первом бою. Потому что ты говно. Ты думаешь, что ты ёбанный Ремарк? Отвечай!

– Никак нет, мой генерал! Я не ёбанный Ремарк.

– Ремарк – это говно. И ты тоже говно.

– Так точно, мой генерал! Ремарк – это говно!

– И ты тоже говно.

– Так точно, мой генерал!

– Хорошо, кусок говна. Встать в строй. Бандерлог, выйти из строя! А ты у нас кто? Композитор? Рихард блядь Вагнер?

– Никак нет, мой генерал! Я инженер! – отвечал мужчина с непропорционально длинными руками, которого Барс назвал Бандерлогом.

– Ты был инженером до того, как подписал контракт. Теперь ты мясо. И ты сдохнешь. Понял меня? Повтори!

– Я мясо. Я сдохну, мой генерал!

Так мы готовились к командировке. Обучение длилось месяц. Мы стреляли, учились закладывать и снимать мины, бегали в противогазах, водили БМП, делали что-то ещё, но на обучении никто не настаивал и результатов никто не проверял. Хочешь выжить – сам научись. К концу месяца Барс назначил меня командовать отделением из восьми человек. Он сказал:

– Ты, Чечен, кусок говна. Но в твоём говне есть немного мозга. У этих семерых никакого мозга нет. Одно говно. Вы всё равно сдохнете. Но командовать будешь ты. Постарайся, чтобы вы сдохли не очень быстро.

Я был удивлён. Мне казалось, что он меня ненавидит. Но вечером перед отправкой Барс пришёл ко мне поговорить о литературе. Спросил, что я посоветую ему почитать из нового. Только не своё говно, а настоящие книги. Я посоветовал. Барс сразу скачал что-то, почитал и остался доволен. А ещё я подарил ему взятый с собой бумажный экземпляр одной из любимых книг. Не знаю, успел ли он прочитать.

5

Есть множество причин, почему в 1942–43 годах во Второй мировой войне на Восточном фронте произошёл перелом, инициативу перехватила Советская армия и погнала немцев и их союзников на запад. Множество причин, но одна, и немаловажная, часто остаётся вне поля зрения историков. Это смена поколений солдат, мобилизованных в действующую армию. В 1941-м войну начинали срочники. Это были стада пылающих юношей, неспособных на самостоятельное мышление в обстановке боевых действий. Потеряв управление, лишившись связи со штабами или просто оказавшись в непонятной ситуации, юнцы либо героически погибали в бою, либо сдавались в плен целыми полками и дивизиями, чтобы потом погибнуть в плену. Так в первые месяцы войны сгинуло поколение, рождённое в 1920-е годы. Но на землях, не попавших в оккупацию, пошли новые и новые призывы, которые загребали всё более старших по возрасту запасников, 30-летних и 40-летних. И вот они, взрослые тёртые мужики, и переломили ход войны. У некоторых за плечами была Гражданская или финская, они умели и любили убивать. Но если и нет, взрослый мужчина сам себе штаб, сам себе сержант и полковник. Даже оказавшись без командира, он как-то сориентируется на местности. Его главная индивидуальная боевая задача – выжить. Война – это такая ситуация, в которой выжить ты можешь, скорее всего, если сможешь убить наибольшее количество врагов, которые хотят убить тебя. Если ты трусливо прячешься, то этим ты себя не спасёшь. За невыполнение приказа тебя накажут: расстреляют или отправят в штрафной батальон, где ты ещё быстрее сдохнешь. Первая задача – выжить самому, вторая – убить врага. Эти две задачи связаны и взаимозависимы. Такая связь и называется войной. Так, во всяком случае, видит войну зрелый мужчина, а не как романтическое приключение. Аристотель пишет в своей этике о золотой середине между трусостью и безрассудством. Он даёт четыре степени отношения к опасности: трусость, осторожность, мужество и безрассудство. Мужество этика Аристотеля провозглашает наилучшим выбором. Но это и в прагматическом плане выживания лучше всего. Юность грешит либо трусостью, либо безрассудной храбростью. Ни то и ни другое не приводит к победе. Пришли выдавшие виды мужчины и стали побеждать. Можете посмотреть кадры хроники после 1943-го, как русские зачищают города, например Кёнигсберг. Небольшие группы под хорошим танковым прикрытием с подавляющей противника артиллерийской поддержкой. Никакого показного героизма. Внимательная и кропотливая работа.

Война – не дело молодых, война для старых, бывалых. Бывалые всегда побеждают. Война – не секс. В сексе молодые круче, у них стояк с утра до ночи и опять до утра, они могут кончать по четыре раза без остановки и заводятся с пол-оборота. В сексе молодые на высоте. Но в военных делах мы, сидящие старики, всегда победим горячих кудрявых мальчиков с их упругими ягодицами и твёрдыми членами, с их нежной кожей, которую так любят целовать и лизать девушки. Пока есть войны, молодёжи не удастся спихнуть нас в отстойники. Мы сами свалим их трупы в выгребные ямы и ещё нассым сверху, вытащив из грязных штанов свои вялые шланги.

У немцев было наоборот: поколение ветеранов, триумфально прошедших по Европе, было выбито в первые два года, мобилизация в последние годы войны шла по юнцам, а они что? Пушечное мясо. Были, наверное, и старики, но они уже не смогли ничего сделать. Мужики из Сибири против пожилых баварских пивоваров, ни одного шанса. Слишком старые воевать тоже не могут. Нужно, чтобы ещё чуть-чуть, да стоял. Сорок шесть лет – идеальный возраст для солдата. Если что, и умереть не жалко, уже пожил. Но попробуй меня убей.

То же самое было и в чеченских войнах. В первую чеченскую на дудаевцев погнали призывников, молокососов. А среди боевиков молодых было мало, большинство составляли мужчины среднего возраста, с боевой подготовкой, полученной в армии СССР. Руки ещё не

забыли, как разбирать и собирать автомат, а мозгов прибавилось. Чеченцы легко убивали русских юношей и думали, что так будет всегда, что русские вот такие: нежные и трусливые, как педики. Но во вторую чеченскую пришли контрактники и командированные менты: взрослые городские мужчины из социальных низов, настоящий беспринципный сброд. А на другой стороне, наоборот, «исламский призыв» собирал в незаконные вооружённые формирования вчерашних школьников, податливое тесто для пропаганды. И тут русские повернули стол: бывалые мужики начали истреблять окрылённых дурацкими идеями мальчиков. Кто не спрятался, я не виноват. Так было и так будет всегда.

Любая война – это, помимо прочего, война поколений, в которой сорокалетние гонят впереди себя шеренги своих новобранцев, которых выкосят в первом бою, но которые успеют слегка потрепать вражеских ветеранов, при соотношении потерь хотя бы и десять к одному. Не жалко. А потом сорокалетние цинично потрошат двадцатилетних солдат противника. Всё это, со времён, когда мы жили стадами, делается для того, чтобы отбить у молодёжи самок, чтобы получить доступ к женским половым органам. Останется ли стареющий победитель на оккупированной территории или вернётся домой, он в выигрыше, двойной профит: молодые, красивые, со здоровыми твёрдыми членами мужчины убиты, гниют в земле, а все влагища достаются ему без конкуренции. Для того чтобы трахать женщин, надо быть живым. Мёртвые не могут никого трахать, даже если они очень красивые, даже если пресс кубиками и сияющее восторгом лицо. Да и нет уже ни пресса, ни лица: плоть гниёт, кожа превращается в почву, мышцы распадаются на волокна и кормят могильных червей. А мы тут, живые, пусть и с вялыми членами. Давайте-ка, постарайтесь, сосите активнее, поднимите нам настроение, других мужчин всё равно нет. Это мы, сорокалетние, придумали войны, чтобы не остаться без секса. Иначе нам бы никто не давал. Зачем давать нам, если вокруг Аполлоны, с ними можно испытывать множественные оргазмы, можно целовать их в мягкие губы и лизать свежие мошонки, к тому же они весёлые, а мы скучные, старые, никакие. Но мы придём и всех убьём, и самки всё равно будут нашими. Если бы войны устраивали женщины, всё было бы ровно наоборот: они бы сделали так, чтобы перебили нас, сексуально невостребованных, а молодых сохранили бы для себя. Слава богам, пока что этим миром управляем мы, стареющие мужчины. Женщины несчастны, с нами они никогда не кончают, потому что их тела не любят нас, тела не обманешь. Но нам плевать. Мы заявляем, что женский оргазм – это миф, выдумка, фантазмагория. Главное, что мы можем сами, хоть и не без труда, и не без помощи фармацевтики, напрячь свой усталый орган и худо-бедно разрядиться в их пылающую пустоту. Мы заслужили. Хотя бы тем, что выжили, не дали себя убить, пока мы сами были двадцатилетними сосунками. Например, я. У меня хватило ума, чтобы свалить с первой чеченской, когда я был ещё не знавшим влагища мальчиком. Теперь мне сорок шесть, я снова лечу на войну, но у меня нет идеалистической дури в голове, я не собираюсь умирать за родину, за империю и за русский мир. *Зачем мне умирать за русский мир, если я вообще чеченец?* У меня даже позывной такой: Чечен. Да и какой русский мир в Сирии? А империей был СССР, теперь же никакой империи нет. Я постараюсь выжить. А воевать я отправился для того, чтобы поднять себе настроение, которое уже не очень встает даже от девичьих минетов, ему нужно что-то покрепче. И заработать денег: деньги – это всегда очень хорошо, это лучше, чем секс, да нет, это и есть секс. Ещё один способ зарыть в могилу молодых конкурентов, у которых нет денег, чтобы купить своим самкам еду. Всё просто. У меня есть ещё лет пять-десять, и я не хочу их пропустить.

Пока чартерный рейс несёт нас из аэропорта Платова города Ростова-на-Дону в Дамаск, столицу Сирии, я расскажу вам о своих братьях по оружию, о своём отделении, в котором я командир. Здесь и далее все детали намеренно перепутаны. Включая названия городов, аэропортов, рек, местностей, все имена, позывные, все количественные данные о подразделениях, о вооружении, о дислокации и боевых задачах. Мы подписали контракт с условиями о неразглашении. Детали – это коммерческая тайна. Коммерческая, а не военная, потому что мы не

военные, мы сотрудники коммерческой службы, охранники, вроде тех, что сторожат двери супермаркетов. Вместо баллончиков с перцовым газом у нас на вооружении могут быть установки залпового огня, но это ничего не меняет: мы даже не наёмники, мы гастарбайтеры, а оружие оказалось у нас случайно – подобрали на улице и несли сдавать в ближайший отдел милиции, ха-ха-ха.

Итак, кроме меня, в отделении ещё семь бойцов, а вместе со мной восемь. Я – Чечен, командир отделения, я подчиняюсь взводному, позывной Снег, а Снег подчиняется Барсу, руководителю нашей сводной шайки, в которой вместе с обслуживающим персоналом набирается более сотни рыл, включая нескольких женщин. Все мы компактно набиты в одном самолёте. Извините, что причислил к рылам и дам, но у них внешность так себе, не лучше, чем у мужиков. Поэтому гендерное равенство – рыла. В фильмах про войну, если показывают женских персонажей в форме, так они обязательно грудастые красотки со смазливymi личиками. И вокруг них в мужском коллективе начинается копошение и спермотоксикоз. Но это как с лесбиянками. Красивые лесбиянки встречаются только в порнофильмах, где они играют красивых лесбиянок; в жизни же это обычные проститутки. Ну, не обычные. Если красивые. Обычные проститутки страшные как ядерная война. А настоящие лесбиянки несуразные, мужиковатые, заросшие волосами или, если это «фемы», то преувеличенно жеманные, но совершенно неинтересные. Бывают, бывают исключения, сам знаю – видел одну красивую лесби, всего одну: она была ещё и умница. Но исключения железно подтверждают правило. Что касается женщин на войне, то ни одного исключения я не встречал: все уродины. Это и хорошо. Бойцу нужно думать о том, как выжить, а не о том, куда пристроить свой писюн. Это потом, после боя. Для того и воюем. Я же всё объяснил. Наши тётки такие, что мысли о сексе с ними не возникают. Хотя технически они могут с кем-то из бойцов трахаться. Но проблем в коллективе это никаких не создаст. Потрахаюсь, и молодец. И сам расслабился, и доброе дело сделал. Ведь даже на войне надо нести в мир добро.

Вернёмся к моему отделению. Боец с позывным Бандерлог, мы с ним уже встречались на мотивационном тренинге, который проводил нам Барс. Он по расписанию в пулемётном расчёте вместе с белокурым мальчиком, которого называли Пидар. Это единственный в моём отделении молокосос. Как его мама отпустила? Клички раздавал Барс и апелляциям не принимал. Сказал Пидар, значит Пидар. Может, это такое греческое имя? Кажется, был такой древний эллинский песнопевец. Пидара мы все любим. Но не в этом смысле. Он же нам как сын. Несмотря на всё вышесказанное, кажется, мы будем его беречь. Пусть, сука, вернётся к мамке или кто там у него. Может, он даже не трахался ещё ни разу. Если его самого в жопу никто не отпердолил. Хотя это я так, романтически фантазирую. Наверняка трахался, и круче, чем мы все вместе взятые. Сегодняшняя молодёжь в этом смысле активнее нас и опытнее. Это мы в их возрасте были девственники. А они всё умеют и знают. Ну дай бог ему выжить. Жалко всё-таки девок, кто-то должен доводить их до оргазма, хотя бы пару раз в жизни, пока они не достанутся нам, старым козлам с вялыми шлангами.

Хер его знает, где и зачем нам понадобится огнемёт, но огнемёт у нас есть, систему я называть не буду, обещал же; погуглите, сами найдёте. В расчёте огнемёта тоже два бойца. Первый Титан. Он работал на автозаправке. Ну, знаете, когда вы приезжаете заправлять свою тачку, подходит чувак и вставляет вам шланг. Как будто вы сами не можете шланг вставить. Но вы должны ему сказать спасибо и дать мелочь, а лучше бумажку. Хорошо было, когда ходили десятирублёвые банкноты, а теперь приходится платить пятьдесят, чтобы не позориться с монетами. Это денежная реформа, её пролоббировали заправщики, я знаю. На заправках часто работают смазливые педерасты, но наш Титан – мощный старик. Как его занесло на эту молодёжную вакансию, я не знаю. Видно, совсем по жизни был неудачник. В паре с ним Пропан. Просто для рифмы. Обыкновенный корявый мужичок. Даже не знаю, чем он на гражданке занимался.

Гранатомётчиков у нас двое, и у каждого по расписанию свой маленький гранатомёт. Ха-ха. Гуглите, гуглите. Один Вепрь, он просто придурок. Другой, наоборот, какой-то интеллигент. Был учителем истории в школе, и позывной у него Гораций. Да, я знаю, что Гораций был не историк. Или историк? По мнению Барса, Гораций – хороший позывной для интеллигента. А с мнением Барса спорить нельзя. Может поменять позывные и назвать тебя Пидаром, а Пидара – Горацием. Или Савонаролой. И есть ещё снайпер типа со снайперской винтовкой, ну в идеале. Его позывной Бритни. Потому что хоть у одного мужика должен быть женский позывной. Чтобы всем было весело. А Барс, когда был молодым, очень часто онанировал на Бритни Спирс. И в каждой партии убоинки он одного счастливчика называет Бритни. Говорит, что пару Бритней он уже похоронил, а одному Бритни оторвало руку и пол-лица, но, наверное, звездит – пугает. Наш Бритни ничем на певицу не похож, кроме разве того, что низкорослый. Он был контрактником в Чечне, имеет хороший боевой опыт. А мелкость телосложения для снайпера – преимущество; легче маскироваться. У меня на вооружении автомат. Я же командир. Но это по штатке. Оружия у нас пока что никакого нет. Сказали, выдадут на месте.

Вот наш рейс снижается. В иллюминатор видна она, Сирия, и какая-то суeta на аэродроме. Если нас сейчас не подобьют каким-нибудь «Стингером», то я продолжу уже на земле.

6

Сначала всё было хорошо. Так хорошо, что, казалось, это не может быть правдой. Мы благополучно приземлились. Нас посчитали, сверили, записали. Отобрали все личные документы и выдали взамен временные удостоверения – ID. Это были маленькие карточки, запаянные в твёрдый пластик, с так себе фотографиями, сделанными вебкой сразу же по прилёте, на одной стороне был английский текст, на другой – арабский. Арабским никто из нас не владел, из английской версии мы могли узнать, что нам присвоены вымышленные имена, и все мы граждане Украины, Беларуси, Казахстана, иногда Грузии или Армении (всё это для того, чтобы при печальных обстоятельствах гибели или пленения наши дипломаты могли сказать, что граждан России там нет). Мы приписывались к каким-то компаниям, имевшим в своих названиях слова OIL, INVESTMENT, ENGINEERING, а должности у нас – что-то вроде обходчиков путей, картографов, водителей, экспедиторов, иногда охранников. Важными и реальными сведениями были группа крови и персональный код, а также код подразделения. Группа крови нужна была, в случае если понадобится хирургическое вмешательство или иное лечение. А по кодам те, кому было положено, могли восстановить твоё настоящее имя и шифр отряда, в котором ты служил. Айдишки имели в себе дырку, сквозь которую просовывался шнурок. Полагалось носить её при себе всегда и везде. Наши друзья-сирийцы приучены были оказывать предъявителям айдишек всяческое содействие. Американцы и прочие «союзники» должны были относиться нейтрально. Ну а к врагам лучше не попадать даже в качестве трупа. В основном айдишки были рассчитаны именно на то, чтобы идентифицировать трупы. Это как медальоны или жетоны у настоящих солдат. Мы просунули шнурки в дырки, скрепили края шнурков замочками или карабинчиками, тут уже кому какой попался шнурок, и надели свои амулеты на шеи. Шнурки, кстати, были не только чёрные. Некоторым достались синие или зелёные. Мы долго спорили: какой из шнурков хуже? Чёрный – это типа смерть, траур. Синий тоже не лучше, синий шнурок на горле, как странгуляционная борозда. А зелёный – цвет исламистов. Если кто-то увидел бы на нас зелёный шнурок, мог бы посчитать, что мы террористы, и замочить нас. Некоторые говорили, что всё это без разницы, потому что носить на себе айдишку само по себе плохая примета. Другие отвечали, что нет, наоборот, выходить без айдишки даже посрать – вот это плохая примета. И одни рассказывали, разумеется, правдивую историю, о том, как один прапорщик, ветеран всех горячих точек, никогда не носил на себе айдишку и пули его словно бы «не видели», а в свой последний поход он зачем-то нацепил на себя пластик со шнурком, так сразу его «увидели» и щёлкнули снайперы вооружённой оппозиции. Потому что именно айдишка делает тебя видимым для духов местной войны и они сразу, как только ты нацепишь на себя этот пластик-мишень, начинают на тебя охоту. А другие рассказывали, конечно, не менее правдивую историю, как один бывалый вояка никогда не расставался с айдишкой, но вот однажды ему приспичило по-маленькому или даже по-большому, а замочек расстегнулся и айдишка упала. В другой раз он бы сначала починил шнурок или хотя бы засунул пластик в карман, но тут уж очень ему хотелось отлить или отложить, а карманов не было, потому что вояка был в одних трусах, ну он и побежал в туалет так, без айдишки. И не успел добежать – мина свалилась ему прямо на голову, его разорвало в клочья, так что мы теперь никогда не узнаем, хотел он посрать или поспать. А первые на это отвечали, что если в клочья, то и айдишку бы в клочья разорвало, так что никакой с неё в этом смысле пользы, и откуда мы вообще знаем, что он был без айдишки и что это всё было так? А вторые говорили, мол, знаем, потому что ведь его айдишка осталась в палатке с порванным шнурком. А первые мрачно замечали, что в таком случае всё это было затеяно самой айдишкой: сама-то она уцелела, а своего человека отправила на верную смерть. Я тоже поучаствовал в разговоре, сказав, что слышал от знающих людей: перед смертью своего человека айдишка становится серовой и перестаёт

пропускать свет. И все стали тщательно рассматривать свои айдишки на предмет цвета и прозрачности. Кто-то добавил, что ещё, так бывает, на айдишке проступают багровые пятна вроде крови. И это к ранению. Но ему, кажется, никто не поверил. Несмотря на споры, все нацепили шнурки с айдишками на шеи и запрятали пластиковые жетоны под майки. На моей карточке было написано, что я из Georgia, а звать меня Jacob. Похоже, что я стал грузином. Ведь едва ли имелось в виду, что я из штата Джорджия, США.

Мы жили на базе, в хороших казармах с кондиционированным воздухом. Утром нас будили и выводили на построение. Потом у нас была небольшая пробежка, зарядка, душ и завтрак. А после нас никто не трогал, и мы отдыхали до самого вечера. Вечером, сразу после заката солнца, мы шли играть в футбол на неплохом поле с двумя воротами и мягким покрытием. После футбола мы шли в казарму и зависали со своими телефонами и планшетами в интернете, потому что в казарме был хороший вай-фай. Или смотрели сериалы в «ленинской комнате». Тогда как раз вышли очередные сезоны «Игры престолов». Хотя мне больше нравились «Викинги», и если не удавалось убедить коллектив смотреть сагу про Рагнара Лодброкка, то я смотрел её сам, на своём планшете.

Это была не служба, а какая-то синекура, райская халыва. Правда, за это время нам не начисляли «боевых». Но и «тыловой» оклад был неплох. Я вроде бы хотел каких-то боёв и приключений, потому и полетел в Сирию, но на базе быстро свыкся, поутих, воевать расхотелось, а простая и беззаботная жизнь на всём готовом мне понравилась. Мне всегда очень важно, чтобы можно было помыться, а вода на базе была, и душ я принимал два или три раза в день, сколько захочу. Ещё я люблю хорошо поесть, и с этим на базе тоже был полный порядок. Кормили четыре раза, как в пионерском лагере. На завтрак была каша, сваренная на молоке и хорошо сдобренная сливочным маслом. Варили манную, овсяную или гречневую. Некоторые морщились и бурчали, а я вот кашу очень люблю. Даже манную и даже если она с комочками. В кашу можно было намешать мёд, или кленовый сироп, или инжирное варенье. Ещё подавались бутерброды с сыром и бочковой кофе со сгущёнкой. На обед давали прекрасный восточный плов с бараниной. Или мясное рагу с картофельным пюре. Много белого, ароматного, мягкого и свежего хлеба. Целые ведра вкусного чая. Между обедом и ужином был полдник – свежие фрукты, местный кисломолочный продукт, который называется лябне, сладости. А на ужин – овощной суп, хумус, зелень и сыр. Можно было ещё пить горячее молоко со специями на ночь, но за молоком на кухню почти никто не ходил, хватало четырёх обжираловок в день. В этом смысле база отличалась в лучшую сторону от пионерского лагеря, в котором я побывал в детстве и помню себя постоянно голодным. Но во всём остальном очень сильно была похожа. Я думаю, поживи мы так ещё пару недель, начали бы мазать друг дружку во сне зубной пастой.

Так, в пионерском лагере у Христа за пазухой, мы прожили первую неделю командировки. А потом началось плохое. Плохое началось с оружия. Нам сказали, что выдадут оружие, кому какое положено согласно штатному расписанию. Я построил своё отделение, и мы пошли вооружаться. Но нас привели не к арсеналу, а на какой-то плац, на пяточок выжженной земли, где перед нами из грузовичка вывалили кучу амуниции да так и оставили лежать, а мы должны были разобрать кучу и подыскать себе в ней оружие. У меня в отделении был снайпер Бритни, ветеран Чечни и вообще опытный воин. Он порылся в куче и уставился на меня удивлённо:

– Командир. Это что за говно?

Я пожал плечами неопределённо. Бритни продолжил убеждённо:

– Это говно. Этим воевать нельзя.

Оружие было старое, сильно поношенное. Некоторые экземпляры даже на вид были неисправны. У некоторых не хватало деталей. Было совсем немного новых автоматов, но и они оказались новыми только в том смысле, что не б/у, а так – старые, морально устаревшие. Винтовок Мосина образца 1891 года, конечно, не нашли, это перебор. Но в целом оружие – хлам и рухлядь. Создавалось такое впечатление, что нам привезли «оружейку» Советской армии с

таджикской пограничной заставы, брошенной в 1992 году, да ещё и нехило поюзанную душманами. Но я не очень удивился. Я ожидал чего-то подобного. Мне уже рассказали, что кто-то там, наверху, закусился с кем-то другим, на «Повара», куратора наших «войск», наехали и финансирование урезали. Главное как. Финансирование урезали, а задачи оставили прежние. Вот у нас всегда в армии так. Срезают финансы, резервы, запасы, обеспечение, а задачи не снимают, задачи надо выполнить те же самые и «любой ценой». То есть, наверное, ценой личного героизма и, не в последнюю очередь, смекалки, иначе говоря, хитрожопости. Поэтому на войне побеждают и делают карьеру не просто герои, а *хитрожопые герои*. Ну вы это уже поняли. Кстати, своего Одиссея Гомер постоянно называет хитроумным. Хитроумный Одиссей. Я думаю, Одиссей и был таким как надо, настоящим хитрожопым героем.

Я сказал, что нужно подобрать себе оружие из того, что есть. Другого пока не будет. А потом посмотрим. Может быть, в бою добудем, отберём у местных хоббитов. Или подвезут новое. Или союзники-сирийцы помогут. Или купим на свои деньги. Или отожмём у соседнего подразделения. А пока надо взять хоть что-то. Хоть с чего-то начать. Это наш старт-ап, so to say.

Бойцы начали рыться в помойке. Бритни тоже рылся, хотя и ворчал:

– Это что, миссия по утилизации барахла?

Я сказал:

– Да, Бритни, да. Ты даже не понимаешь, насколько ты близок к истине. Война, особенно такая, вообще никому не нужная, как на Донбассе или в Сирии, – это именно про утилизацию опасного барахла. Оружия и боеприпасов, конечно. Потому что оружие надо использовать, а боеприпасы расстреливать, чтобы делать новое оружие и новые боеприпасы и чтобы старые не взрывались на складах. И чтобы знать, как совершенствовать оружие и боеприпасы. И экономика, и политика, и наука – все нуждаются в том, чтобы оружие и боеприпасы вовремя утилизировались. Но главное, конечно, люди. Самое опасное барахло – это люди. Люди определённого склада, такие как ты, Бритни, и, может, такие как я. Я тебе всё объясню, Бритни, но мне придётся начать издалека. Понимаешь, Бритни, приматы в общем и целом дружелюбные, милые существа, всегда покорные своим лидерам. Но примерно один из десяти самцов должен рождаться чуточку агрессивным. Это он, защищая стаю, набрасывается с палкой на льва. Это он первым войдёт в воду бурной реки, чтобы проверить: может ли стая переправиться на тот берег? Он же останется в арьергарде, прикрывая отход семьи, и будет разорван в клочья гиенами. В общем, он должен быть ебанутым, и это нормально. Ебанутые тоже нужны обществу, без ебанутых стае обезьян не выжить, но их должно быть немного, где-то один к десяти. Но представь себе ситуацию, Бритни, только представь, что таких агрессивных и ебанутых гамадрилов накопилось больше положенного? Или даже если не больше, а в принципе нормально, но если нет львов, нет гиен, нет войны, Бритни, то чем они займутся? Они создают проблемы. Они не просто барахло, они опасное барахло. Они совершают насильственные преступления или начинают бороться с властью за какую-то там справедливость. Тогда мудрые старые павианы договариваются между собой и начинают какую-нибудь маленькую войну на Донбассе. И вешают лозунг-манок: «Русский мир»! И все гамадрилы с той и с другой стороны собираются в этом «Русском мире» и крошат друг друга. А заодно утилизируют боеприпасы. Ты хотел знать, Бритни, что такое «Русский мир»? Вот это он и есть. Это такое место, где собираются русские, чтобы убить друг друга и израсходовать как можно больше патронов, мин и снарядов. В Сирии они сделали то же самое! Они у себя организовали «Русский мир», то есть «Сирийский мир», где одни сирийцы мочат других сирийцев, а богатые страны посылают им на утилизацию оружие и боеприпасы. Но у сирийцев это так хорошо получалось, что богатые страны решили посылать сюда на утилизацию не только тротил и железки, но и своих ебанутых гамадрилов. Утилизировать своих ебанутых в промышленном масштабе подальше от своих границ: это ли не мечта каждого нормального правительства? Поэтому, да, Бритни, да. Это миссия по утили-

зации. По утилизации опасного барахла: оружия, боеприпасов и людей, ебанутих людей, таких как ты, Бритни, и, может быть, таких как я.

То есть я, конечно, ничего этого вслух не сказал. Просто подумал. Потому что я знаю: в мужском коллективе, в отряде охотников и воинов, не очень-то любят тех, которые до хуя умничают. Если ты такой умный, какого хуя ты здесь? Ведь так скажет каждый. И будет прав.

Однажды ночью, в самом начале ночи, нас, всю группу Барса, которая теперь называлась «бригада», погрузили в тентованные грузовики и увезли с благословенной базы в пустыню. В моём отделении восемь бойцов, считая меня. Три отделения формировали взвод из двадцати пяти бойцов, считая командира взвода. Три взвода у нас считались ротой, а рот было тоже три, плюс штаб и усиление. Всего около трёхсот человек. Кроме того, тыловые службы, но я их даже не считал. Нас повезли в грузовиках повзводно, набили двадцать пять человек под тент, где места было ну на двадцать, не больше. Несколько грузовиков с бойцами, несколько джипов с прочими службами и обозные фуры. Мы ехали с личным оружием, блядь, но без боеприпасов. Без единого патрона. Если бы на нас вдруг напали, что мы должны были делать? Целиться в противника и кричать, как дети «пух! пух! бэнг! бэнг! тыдыщ! ты убит! я тебя застрелил!»? Я, конечно, утрирую опасность ситуации, так как нас сопровождало боевое охранение: пара БТР, кажется, 80-й серии, кроме того, периодически над нами барражировал вертолёт. Хотя вот хер знает, лучше он нам делал, контролируя с воздуха ситуацию на нашем пути, или хуже, привлекая к нам потенциальное внимание бармалеев.

Никаких эксцессов по пути не случилось, и под утро мы благополучно прибыли к месту дислокации. Однако мы не обрадовались, когда увидели само это место. Это было пустое место. Просто голая пустыня с мелкими противными жёлтыми камешками под ногами, без единого чахлого деревца или кустика, без домов или хотя бы сараев, без колодцев с водой, ничего, там вообще ничего не было! Только несколько старых ржавых убитых автомобилей типа наших «уаз-буханка», наверное, это были «Тойоты Хайс», но давно, очень давно, когда я был ещё маленьким.

Настала и мне очередь охуеть, а вот Бритни, тот был, кажется, спокоен. Бритни сказал:

– Это хорошо, что в пустыне. Всё как на ладони. Никто не подвалит к тебе из-за угла и не запустит гранату с чердака соседнего дома. Я могу контролировать периметр. Днём могу. Ночью мне нужен ПНВ. В помойке не было ПНВ. Вообще никакого.

Я сказал:

– Но мы ведь тоже как на ладони!

Мой взводный, Снег, педагогически некорректно, при моих подчинённых, унизил меня, сказав:

– Не ссы, Чечен. Окапывайся. Сейчас, кстати, Барс будет про окопы речь толкать.

Снег и ещё несколько бывалых бойцов, видимо понимавших подоплёку шуток, принялись хохотать. Я хотел было взвиться и сказать Снегу, что сейчас он у меня сам будет ссать, причём кровью, но меня остановил Гораций. Бывший учитель истории заметил, что я багровою, приобнял меня и сказал:

– Забей, командир. Нормалёк. Ты не утратил своего авторитета среди бойцов отделения из-за этого опрометчивого выражения взводного. Скоро Барс прохуесосит Снега при всех, и баланс сил восстановится. Похоже, здесь все так делают.

Барс действительно построил всех в четыре шеренги и для начала отхуесосил ротных, а потом взводных, я уже и не помню за что. Дальше взводных Барс бойцов не хуесосил. Мы были уже взрослые и должны были хуесосить себя сами: ротные – взводных и командиров отделений, взводные – командиров отделений и рядовых бойцов, командиры отделений – рядовых бойцов и иногда взводных, в порядке обратной связи, feedback. Я понял, что в нашем потешном незаконном войске принято лично оскорблять тех, кто на ранг или на два ниже тебя; к тем,

кто ниже тебя на три ступени и далее надо проявлять в индивидуальном порядке милость и сострадание. А оскорблять только так, en masse.

После прочистки каналов связи и установления атмосферы взаимопонимания Барс задвинул свою телегу. Он, Барс, сказал, что первым делом в военном лагере надо устроить отхожее место. Так делали древние греки, древние римляне, готы, скифы, фашисты и красноармейцы, только не молдаване, потому что молдаване засранцы. Здесь есть молдаване? Шаг вперёд!

Молдаван не было.

Барс продолжал:

– Если в лагере не устроить отхожее место, то бойцы начинают ссать и срать везде. И очень быстро, вы, блядь, не представляете, как быстро, весь лагерь превращается в парк культуры и отдыха после ночи выпускного бала, когда охуевшие выпускники и выпускницы ссут и срут под каждым кустом, а сверху ещё блюют. Нет, они не ебутся. Никто не ебётся на последнем звонке, хотя все мечтают. Все просто нажираются в говно и потом ссут, срут и блюют, а ебаться физически не могут. Но если кто-то всё же ебётся, то в результате получаются вот такие недоноски, такие уроды, как вы. Дети последнего звонка, блядь. Но я вам не позволю повторить ошибки родителей. Вы у меня не будете ни ссать, ни срать где попало, будете только ебаться, и ебаться будете со мной, причём пассивно ебаться, без вариантов.

Говно. Если не выкопать туалетные ямы, то говно будет везде. Вы все будете в говне, хотя вы этого не заметите, потому что вы сами говно. Но заметят насекомые. В том числе ядовитые. Птицы, в том числе хищные и опасные. Бактерии и кишечные палочки. Звери. И даже бармалеи могут унюхать ваше говно. Запомните главное правило человеческой жизни: *говно надо прятать!* Каждый человек на восемьдесят процентов состоит из говна. Но своё говно надо прятать! Тот, кто не прячет своё говно, тот не может называться человеком. Такой ублюдок может быть только молдаванином. Среди вас есть молдаване?

Молдаван не было. Барс продолжал:

– Где устроить туалет? Это самый важный вопрос при планировании лагеря! Надо изучить розу ветров. Надо устроить туалет так, чтобы ветра выдували миазмы ваших испражнений в сторону от лагеря, а не в лагерь. И надо чтобы туалет находился в максимально защищённом месте, в естественных складках местности и под прикрытием огневых точек, снайперов и пулемётчиков. Туалет должен быть устроен в более безопасном месте, чем штаб, потому что командир боевой части тоже ходит в туалет и он не хочет погибнуть, пока срёт в позе орла, а если ему суждено погибнуть, то лучше пусть его убьют в штабе, над оперативной картой, потому что это красиво и романтично, а не в говне. Потому что только молдаване рады сдохнуть в своём говне, но ваш генерал не молдаванин, и среди вас тоже нет молдаван. Или есть?

Молдаван не было. Барс продолжал:

– И последнее. Сейчас, сразу после того, как мы определим наилучшее место для строительства сортиров, командиры взводов выделяют своих лучших людей для копания ям под говно и для прочих фортификационных работ. Не дай Аллах кому-то из вас начать благовать, прикидываться отказником на зоне и сказать, что вам запахло рыть парашный окоп, что, мол, пусть чуханы роют. Во-первых, здесь вам не зона. Здесь хуже. Во-вторых, вы все чуханы, а пахан тут один, это я. Я слышал, что в других отрядах кто-то где-то разводит уголовщину, благование, вот эту вот дедовщину и кто-то кого-то чмырит. Где-то и с кем-то это прокатывается. Но не со мной. Не у меня в батальоне. Запомните: у меня в батальоне только я могу всех чмырить. Я дед, а вы все духи. Я могу вас даже отпидарасить, но не хочу, потому что я люблю ебать женщин, и, как было сказано вам ранее, я берегу свой хуй, чтобы им ебать ваших жён. И если кто-то из вас откажется рыть яму под говно, или в порядке назначенного дежурства убирать за всеми говно в сортире, или хоть как-то, хоть где-то, хоть в чём-то проявит свою убанскую гордость, то вот что я сделаю. Я не буду вас убивать. Я мог бы сказать, что я пристрелю вас и скину в эту

самую яму, где вас быстро похоронят под говном, и мне за это ничего не будет, всё спишут на боевые потери. Я мог бы не только сказать, но даже и сделать это. Но я не такой добрый. Я злой. Поэтому я сделаю хуже. Я вас уволю. Я отправлю вас обратно с формулировкой о том, что такой-то уебан нарушал дисциплину, не выполнял приказы и не исполнял свои обязанности по контракту. И тогда знаете что? Вы, придурки, наверное, не читали, что написано мелким шрифтом в контракте. А там написано, что при увольнении в связи с неисполнением обязанностей по контракту вы не только лишаетесь права на вознаграждение, но и обязаны возместить все затраты по вашему обучению, проживанию в лагерях и на базах и на транспортировку вас до места командировки и обратно. Приличная сумма, я вам скажу.

Все были ошарашены. И как-то сразу проснулись, что ли. Даже молдаване, если такие среди нас всё же были. А Барс добивал:

– Поймите, педрилы. Вы тут не сражаетесь за Родину. Никакой Родины тут нет. Вас не партия и народ сюда прислали. Вас наняла весьма конкретная коммерческая структура. Она вложила в вас деньги. И каждый рубль посчитан. Вы должны отбить затраты своей работой. Либо сдохнуть, это нормально, это страховой случай. А если вы ебанулись, или зассали, или, не знаю, как-то ещё ебанулись и отказываетесь исполнять всё, что вам поручат делать: копать ямы под говно, убивать детей и беременных женщин, сжигать леса напалмом, сбрасывать на города атомные бомбы, сосать мой хуй, если я вдруг этого захочу, то с вами расторгнут контракт и отправят вас обратно. И вы должны будете возместить фирме убытки. Все убытки. Много убытков. И вы их возместите. Вы будете продавать на органы своих детей, но выплатите всё до копейки. Почему я так в этом уверен? Потому что коллекторами у фирмы работают самые отмороженные бойцы из тех, кого даже в Сирию не пускают – настолько они отмороженные. Потому что быть жестоким к женщинам и детям на войне – это, конечно, хорошо. Но должен же быть и у жестокости какой-то предел. А они беспредельщики.

Надо ли говорить, что Снег отправил «окапываться» меня. Правда, и сам он стоял рядом, долбил эту блядскую смесь песка и камней маленькой гнутой лопатой.

7

Мы устроили лагерь посередине пустыни, в гиблом месте. Обозные машины привезли некоторый минимум строительных материалов, палатки, кухню, дизель-генератор, медпункт и всё такое. Мы построили неплохие сортиры на западной границе лагеря, потому что ветер постоянно дул с востока. Всё остальное было сильно хуже сортиров. Мы жили в армейских палатках на 12 человек, у каждого отделения была своя. Ночью в палатках было холодно, днём душно, и какие-то насекомые, какие-то жуки и скорпионы всё же приползли в лагерь, хотя своё дерьмо мы тщательно прятали. И змеи тоже появились. Кормили плохо. Раз в день полевая кухня варила из концентрата какое-то «горячее»: то ли суп, то ли кашу с мясом, ещё и хуй поймёшь с каким. Остальная еда выдавалась сухпакетами. В пакетах были солёные крекеры и сладкие шоколадные батончики. Уже на третий день задница слипалась от сахара. И если бы у меня не было сахарного диабета, то я бы точно его заполучил. Питьевую воду в бутылках выдавали по норме, три литра в день, и она быстро заканчивалась. С помывкой было ещё хуже. Нам привезли цистерну с водой, которая сразу же протухла. Первое время я пытался обливаться хотя бы такой водой дважды в день, но меня поймал Снег. Он сказал:

– Чечен, ты что, охуел? Это вся наша вода на неделю или, хуй знает, на две. Ты сейчас её на себя выльешь, а мы потом чем будем мыться и кухню мыть? Отставить лить воду! Умылся утром и нахуй от цистерны!

Пришлось подчиниться. Тем более по сути Снег был прав. И вообще, он был не таким уж говнюком, наш взводный. Вспоминая его сейчас, я думаю, что он был даже по-своему хорошим человеком.

Зато чего было много, так это боеприпасов. Ко всему выбранному нами дерьму-оружию нам выдали практически неограниченное количество патронов, гранат, мин и прочей взрывоопасной хуйни. Целые горы ящиков с боеприпасами лежали в «пакгаузах» – палатках, специально выделенных под хранение боеприпасов. Мы должны были отстреливать в день по тонне боеприпасов или что-то вроде этого. В этом и состояла наша задача. Отстреливать боеприпасы. Пристреливать своё оружие. Практиковаться в стрельбе. Кроме того, мы уже выполняли своё первое боевое задание, так как прикрывали собой какое-то «направление», а грохот нашей стрельбы должен был держать бармалеев подальше. Но «боевые» нам не начислялись, и оплата шла по прежнему, тыловому тарифу, как когда мы блаженствовали на базе, что, я считаю, было очень несправедливо.

Скелеты «Тойот Хайс» были приспособлены в качестве мишеней. Мы не только реше-тили их уже и так худые бока из стрелкового оружия, но и забрасывали минами и гранатами. Это оказалось весело. Ну то есть никаких других развлечений всё равно больше не было. Телефоны отобрали перед выездом. На самом деле половина бойцов всё равно привезли припрятанные гаджеты. Но толку в них было мало. В этом гиблом месте никакая сотовая связь, даже местная, сирийская, не ловила. Или у нас самих глушитель стоял? На планшетах можно было только играть в заранее закачанные игры, слушать музыку, смотреть фильмы и книги, тоже те, что загрузили заранее. Подзаряжать аппараты было можно, дизель-генератор давал электричество. Всё это я перенёс нормально, ещё на базе отвык заходить в социальные сети. Что там можно узнать? Какие-то люди, они живут там, в городах, со своими детьми и кошками, разговаривают о политике и экономике, а о чём могу им рассказать я? О том, как три сотни потных мужчин и несколько некрасивых женщин ждут боевого задания, а пока просто живут, жрут и срут и ещё пердят безостановочно? Вы скажете, что жизнь – она везде одинаковая. Что в городах тоже пердят. Да, пердят. Но только здесь, на войне, в военизированной части, на пороге смерти ты это как-то... ну по-настоящему чувствуешь.

Прошло две недели в лагере, который я для себя назвал «гиблым местом», хотя время показало, что я был не прав и это место было совсем, совсем не гиблым, а вполне нормальным таким местечком, к нему можно было даже привыкнуть, и мы уже начали привыкать, тело начало привыкать к тому, что его не моют, и покрылось уютной защитной корочкой, а еда... что еда, просто жрать надо меньше, ведь человек живёт не для того, чтобы жрать. Но вот мы расстреляли свои пакгаузы, и начальство решило, что пора двигать нас в дело. За две недели у нас образовался один убитый и двое тяжелораненых, из-за неосторожного обращения с оружием, а на самом деле потому, что оружие было дерьмовым. Миномёт разорвало вместе с миной. Оказалось, что раненым и жене убитого выплатят только половину страховки, так как страховой случай произошёл не во время «выполнения специального задания», а «во время подготовки, обучения и отдыха», и об этом тоже было написано мелким шрифтом в контракте, но кто же его читает, этот ёбанный мелкий шрифт.

Это был где-то двадцать второй или двадцать четвёртый день нашей командировки. Я тогда ещё не вёл записей, поэтому могу перепутать точные даты. В общем, мы наконец поехали на войну. Нас включили в штурмовую группу, которой командовали настоящие армейские офицеры. И в группе кроме нас были настоящие армейские подразделения. Какой-то спецназ, или десантники, или мотострелки. Ну и мы, наёмники, «солдаты удачи». Поэтому мы, конечно, шли первой волной штурма, вместе с тяжелой техникой. Ещё были подразделения сирийской армии. Но те вообще встали позади русских, чтобы потом квалифицированно сделать зачистку. В бой они галантно пропускали первыми нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.